

Н. Гоголь

Ганс Кюхельгартен

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Г58

Г58 **Гоголь Н.В.**
Ганс Кюхельгартен / Н. Гоголь – М.: Книга по Требованию, 2021. – 56 с.

ISBN 978-5-4241-2808-0

За свою жизнь Николай Васильевич Гоголь совершил множество путешествий. И поездка в Любек в июле 1829 года стало только первым из них. А отправился он в то лето в Германию, чтобы хоть как-то избавиться от горечи поражения — его первое сочинение, романтическая поэма «Ганс Кюхельгартен», опубликованная под псевдонимом Алов, ничего кроме разочарования ему не принесла. Поэму решительно не желали покупать, критики отзывались о ней крайне негативно, так что сам начинающий автор был вынужден скупить весь тираж и уничтожить. Поездка на чужбину представлялась ему спасительной: так можно было хоть как-то забыться и начать новую жизнь.

ISBN 978-5-4241-2808-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Н.В. Гоголь, 2021

Николай ГОГОЛЬ
Ганс Кюхельгартен

ИДИЛЛИЯ В КАРТИНАХ

Предлагаемое сочинение никогда бы не увидело света, если бы обстоятельства, важные для одного только Автора, не побудили его к тому. Это произведение его восемнадцатилетней юности. Не принимаясь судить ни о достоинстве, ни о недостатках его, и предоставляя это просвещенной публике, скажем только то, что многие из картин сей идиллии, к сожалению, не уцелели; они, вероятно, связывали более ныне разрозненные отрывки и дорисовывали изображение главного характера. По крайней мере мы гордимся тем, что по возможности споспешествовали свету ознакомиться с созданием юного таланта.

КАРТИНА I

Светаёт. Вот проглянула деревня,
Дома, сады. Всё видно, всё светло.
Вся в золоте сияет колокольня
И блещет луч на стареньком заборе.
Пленительно оборотилось всё
Вниз головой, в серебряной воде:
Забор, и дом, и садик в ней такие ж.
Всё движется в серебряной воде:
Синеет свод, и волны облак ходят,
И лес живой вот только не шумит.
На берегу далеко вшедшем в море,
Под тенью лип, стоит уютный домик
Пастора. В нем давно старик живет.
Ветшает он, и старенькая кровля
Посунулась; труба вся почернела;
И лепится давно цветистый мох
Уж по стенам; и окна искосились;
Но как-то мило в нем, и ни за что
Старик его б не отдал.
Вот та липа,
Где отдыхать он любит, тож дряхлеет.
Зато вокруг ней зеленые прилавки
Из дерну свежего.
В дуплистых норах
Ее гнездятся птички, старый дом
И сад веселой песнью оглашая.
Пастор всю ночь не спал, да пред рассветом
Уж вышел спать на чистый воздух;
И дремлет он под липой в старых креслах,
И ветерок ему свежит лицо,
И белые взвевает волоса.
Но кто прекрасная подходит?
Как утро свежее, горит
И на него глаза наводит?
Очаровательно стоит?
Взгляните же, как мило будит
Ее лилейная рука,
Его касаясь слегка,
И возвратиться в мир наш нудит.
И вот в полглаза он глядит,
И вот спросонья говорит:
“О дивный, дивный посетитель!
Ты навестил мою обитель!
Зачем же тайная тоска

Всю душу мне насквозь проходит,
И на седого старика
Твой образ дивный сдалека
Волненье странное наводит?
Ты посмотри: уже я хил,
Давно к живущему остыл,
Себя погреб в себе давно я,
Со дня я на день жду покоя,
О нем и мыслить уж привык,
О нем и мелет мой язык.
Чего ж ты, гостья молодая,
К себе так пламенно влечешь?
Или, жилица неба-рая,
Ты мне надежду подаешь,
На небеса меня зовешь?
О, я готов, да недостойн.
Велики тяжкие грехи:
И я был злой на свете воин,
Меня робели пастухи;
Мне лютые дела не новость;
Но дьявола отрекся я,
И остальная жизнь моя —
Заплата малая моя
За прежней жизни злую повесть...”
Тоски, смятения полна,
“Сказать” – подумала она —
“Он, бог знает, куда заедет...
Сказать ему, что он ведь бредит”.
Но он в забвенье погружен.
Его объемлет снова сон.
Склонясь над ним, она чуть дышет.
Как поживает! как он спит!
Вздых чуть заметный грудь колыхнет;
Незримым воздухом обвит,
Его архангел сторожит;
Улыбка райская сияет,
Чело святое осеняет.
Вот он открыл свои глаза:
“Луиза, ты ль? мне снилось... странно...
Ты поднялась, шалунья, рано;
Еще не высохла роса.
Сегодня, кажется, туманно”.
“Нет, дедушка, светло, свод чист;
Сквозь рощу солнце светит ярко;
Не колыхнется свежий лист,
И по утру уже всё жарко.
Узнаете ль, зачем я к вам? —

У нас сегодня будет праздник.
У нас уж старый Лодельгам,
Скрыпач, с ним Фриц проказник;
Мы будем ездить по водам...
Когда бы Ганц...” Добросердечный
Пастор с улыбкой хитрой ждет,
О чем рассказ свой поведет
Младенец резвый и беспечный.
“Вы, дедушка, вы можете помочь
Одни неслыханному горю:
Мой Ганц страх болен; день и ночь
Всё ходит к сумрачному морю;
Всё не по нем, всему не рад,
Сам говорит с собой, к нам скучен,
Спросить – ответит невпопад,
И весь ужасно как измучен.
Ему зазнаться уж с тоской —
Да эдак он себя погубит.
При мысли я дрожу одной:
Быть может, недоволен мной;
Быть может, он меня не любит. —
Мне это – в сердце нож стальной.
Я вас просить, мой ангел, смею...”
И кинулась к нему на шею,
Стесненной грудью чуть дыша;
И вся зарделась, вся смешалась
Моя красавица-душа;
Слеза на глазках показалась...
Ах, как Луиза хороша!
“Не плачь, спокойся, друг мой милый!
Ведь стыдно плакать, наконец”,
Духовный молвил ей отец. —
“Бог нам дарит терпенье, силы;
С твоей усердною мольбой,
Тебе ни в чем он не откажет.
Поверь, Ганц дышет лишь тобой;
Поверь, он то тебе докажет.
Зачем же мыслию пустой
Душевный растревлять покой?”
Так утешает он свою Луизу,
Ее к груди дряхлеющей прижав.
Вот старая Гертруда ставит кофий
Горячий и весь светлый, как янтарь.
Старик любил на воздухе пить кофий,
Держа во рту черешневый чубук.
Дым уходил и дельцами ложился.
И, призадумавшись, Луиза хлебом

Кормила с рук своих кота, который
Мурлыча крался, слыша сладкий запах.
Старик привстал с цветеных старых кресел,
Принес мольбу и руку внучке подал;
И вот надел нарядный свой халат,
Весь из парчи серебряной, блестящей,
И праздничный неношенный колпак —
Его в подарок нашему пастору
Из города привез недавно Ганц, —
И, опираясь на плечо Луизы
Лилейное, старик наш вышел в поле.
Какой же день! Веселые вились
И пели жавронки; ходили волны
От ветру золотого в поле хлеба;
Сгустились вот над ними деревья,
На них плоды пред солнцем наливались
Прозрачные; вдали темнели воды
Зеленые; сквозь радужный туман
Неслись моря душистых ароматов;
Пчела работница срывала мед
С живых цветов; резвунья стрекоза
Треща вилась; разгульная вдали
Неслася песнь, – то песнь гребцов удалых.
Редет лес, видна уже долина,
По ней мычат игривые стада;
А издали видна уже и кровля
Луизина; краснеют черепицы
И ярко луч по краям их скользит.

КАРТИНА II

Волнуем думой непонятной,
Наш Ганц рассеянно глядел
На мир великий, необъятной,
На свой незнаемый удел.
Доселе тихий, безмятежной
Он жизнью радостно играл;
Душой невинною и нежной
В ней горьких бед не прозревал;
Земного мира уроженец,
Земных губительных страстей
Он не носил в груди своей,
Беспечный, ветренный младенец.
И было весело ему.
Он разрезвлялся мило, живо
В толпе детей; не верил злу;
Пред ним цвел мир как бы на диво.
Его подруга с детских дней
Дитя-Луиза, ангел светлый,
Блистала прелестью речей;
Сквозь кольца русые кудрей
Лукавый взгляд жег неприметно;
В зеленой юбочке сама
Поет, танцует ли она —
Всё простодушно, в ней всё живо,
Всё детски в ней красноречиво;
На шейке розовый платок
С груди слетает понемножку,
И стройно белый башмачок
Ее охватывает ножку.
В лесу ль играет вместе с ним —
Его обгонит, всё проникнет,
В куст притаясь с желаньем злым,
Ему вдруг в уши громко крикнет —
И испугает; спит ли он —
Ему лицо всё разрисует,
И, звонким смехом пробужден,
Он покидает сладкий сон,
Шалунью резвую целует.
Уходит за весной весна.
Круг детских игр их стал уж скромн. —
Меж ними резвость не видна;
Огонь очей его стал томен,
Она застенчиво-грустна.
Они понятно угадали

Вас, речи первые любви!
Покуда сладкие печали!
Покуда радужные дни!
Чего б желать с Луизой милой?
Он с ней и вечер, с ней и день,
К ней привлечен он дивной силой,
Как верно бродящая тень.
Полны сердечного участия,
Не наглядятся старики
Их простодушные на счастье
Своих детей; и далеки
От них дни горя, дни сомнений:
Их осеняет мирный Гений.
Но скоро тайная печаль
Им овладела; взор туманен,
И часто смотрит он на даль,
И беспокоен весь и странен.
Чего-то смело ищет ум,
Чего-то тайно негодует;
Душа, в волненьи темных дум,
О чем-то, скорбная, тоскует;
Он как прикованный сидит,
На море буйное глядит.
В мечтаньи всё кого-то слышит
При стройном шуме ветхих вод.

* * *

Или в долине ходит думный;
Глаза торжественно блестя,
Когда несется ветер шумный
И громы жарко говорят;
Огонь мгновенный колет тучи;
Дождя источники горячи
Секутся звучно и шумят. —
Иль в час полночи, в час мечтаний
Сидит за книгою преданий,
И, перевертывая лист,
Он ловит буквы в ней немые
— Глаголят в них века седые,
И слово дивное гремит. —
Час углубясь в раздумьи целой,
С нее и глаз он не сведет;
Кто мимо Ганца ни пройдет,
Кто ни посмотрит, скажет смело:
Назад далеко он живет.
Чудесной мыслью очарован,
Под дуба сумрачную сень

Идет он часто в летний день,
К чему-то тайному прикован;
Он видит тайно чью-то тень,
И к ней он руки простирает,
Ее в забвеньи обнимает. —
А простодушна и одна
Луиза-ангел, что же? где же?
Ему всем сердцем предана,
Не знает, бедненькая, сна;
Ему приносит ласки те же;
Его рученкой обовьет,
Его невинно поцелует;
Он на минуту растоскует
И снова то же запоет.
Они прекрасны, те мгновенья,
Когда прозрачною толпой
Далеко милые виденья
Уносят юношу с собой.
Но если мир души разрушен,
Забьт счастливый уголок,
К нему он станет равнодушен,
И для простых людей высок,
Они ли юношу наполнят?
И сердце радостью ль исполнят?
Пока в жилище суеты
Его подслушаем украдкой,
Доселе бывшие загадкой,
Разнообразные мечты.